

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Ю. Сотник

ДРЕССИРОВЩИКИ

Издательство
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Ю. СОТНИК

ДРЕССИРОВЩИКИ

РАССКАЗЫ

И з д а т е л ь с т в о
„Д Е Т С К А Я Л И Т Е Р А Т У Р А “
МОСКВА 1969

Вас, может быть, озадачит кое-что в этих рассказах. Вы удивитесь, как могут быть в школе такие толстые стены, что по вентиляционным каналам свободно лазают люди, как может быть такой высокий помост под школьной сценой, что под ним умещаются стоящие на четвереньках ребята.

Дело в том, что рассказы эти написаны давно и школа, которая в них описана, старая. В ней автор учился, а ему сейчас уже шестой десяток.

Прочитайте эти рассказы, ребята, и напишите, понравились ли они вам. Наш адрес: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Рисунки В. Ладыгина

ДРЕССИРОВЩИКИ

В передней раздался короткий звонок. Бабушка вышла из кухни и открыла дверь. На площадке лестницы стоял мальчик, которого бабушка ещё не видела. Он слегка поклонился и очень вежливо спросил:

— Извините, пожалуйста. Тут живёт Гриша Уточкин?

— Ту-ут,— протянула бабушка, подозрительно оглядывая гостя.

Сам мальчик произвёл на неё довольно приятное впечатление. Он был одет в тщательно отутюженные синие брюки и чистенькую жёлтую тенниску с короткими рукавчиками. На груди у него алел шёлковый галстук, золотистые волосы его были аккуратно рас-

чёсаны на пробор. При всём этом он держал под мышкой очень грязную и рваную ватную стёганку, а в другой его руке был зажат конец верёвки, привязанной к ошейнику криволапой, неопределённой масти собаки с торчащей клочьями шерстью. Вот эта стёганка и эта собака заставили бабушку насторожиться.

— Скажите, а можно видеть Гришу?

— Мо-о-ожно,— после некоторого колебания протянула бабушка. Она хотела было сказать, что собак не следует водить в комнаты, что от них одна только грязь, но сдержалась и лишь добавила: — В ту дверь иди.

Однако мальчик не повёл собаку в комнату, а строгим голосом сказал:

— Пальма, сидеть! Сидеть! Пальма, кому говорят? Сидеть!

Пальма зевнула и наконец села с выражением безнадежной скуки на бородатой морде. Мальчик привязал конец верёвки к перилам лестницы и только после этого постучал в указанную бабушкой дверь.

Гриша, коренастый, с копной тёмных волос и с суровым выражением лица, пилил в это время какую-то дощечку, прижав её коленкой к сиденью стула. Он несколько удивился, узнав в прищельце Олега Вершинина, с которым он учился в параллельных классах и с которым почти не был знаком. Гриша выпрямился и, заправляя рубаху в штаны, молча уставился на гостя.

— Здравствуй, Уточкин,— сказал тот, прикрыв за собой дверь.— Ты не удивляйся, что я к тебе пришёл. У меня к тебе одна просьба.

— Ну? — коротко спросил Гриша, исподлобья глядя на Олега.

— Ты мог бы помочь мне дрессировать собаку?

Гриша всегда был готов взяться за любое дело, но говорить много не любил.

— Мог бы. А как?

— Понимаешь, я её дрессирую на собаку охранно-сторожевой службы. Я уже научил её ходить рядом, садиться по команде, ложиться... Теперь я с ней отрабатываю команду «фасс»: чтобы она бросалась, на кого я прикажу. А для этого нужен ассистент, совсем незнакомый для собаки человек.

— Чтобы она на него бросалась? — спросил Гриша.

— Ага. Мы её уже дрессировали с ребятами нашего класса, и она очень хорошо на них бросалась, но теперь она с ними перезнакомилась и больше не бросается. А надо закрепить рефлекс. Вот я тебя и прошу...

Гриша в раздумье почесал широкий нос:

— А если покусает?

— Во-первых, я её буду держать на поводке, а во-вторых, ассистент надевает защитную спецодежду.— Олег развернул стёганку и вынул из неё такие же драные ватные штаны.— Со мной все мальчишки из нашего класса её дрессировали, и она только одного Серёжку Лаптева немножко укусила. Согласен?

— Согласен. А где твоя собака?

— Я её на лестнице оставил, чтобы она не знала, что мы с тобой знакомы. Я сейчас выйду с ней и буду ждать тебя на Тихой улице. А ты надевай спецодежду,

приходи туда и подкрадывайся к Пальме как будто злоумышленник. Ладно?

— Ладно. Иди!

Олег удалился. Гриша надел кепку и принялся облачаться в спецовку. Это оказалось делом нелёгким, потому что брюки были огромных размеров. Стянув их ремнём под мышками и завязав тесёмочками у щиколоток, Гриша стал похож на очень большую, диковинной формы гармошку. Ватная куртка, которую он надел, несколько поправила дело: свисая ниже коленей, она почти совсем закрыла брюки. Рукава, болтавшиеся сантиметров на двадцать ниже кистей рук, Гриша засучивать не стал.

Грише, конечно, не хотелось, чтобы бабушка увидела его в таком костюме, поэтому, прежде чем выйти из комнаты, он приоткрыл дверь и прислушался, а потом уж выскользнул из квартиры.

Улица Тихая была и в самом деле очень тихой улочкой. Здесь вдоль тротуаров вкривь и вкось росли старые липы, за которыми прятались домики в один и два этажа. Движение тут было такое небольшое, что между булыжниками мостовой зеленела травка.

Гриша издали увидел Олега, который, расхаживая по мостовой, громко приговаривал:

— Рядом! Пальма, рядом!

— Эй! — негромко крикнул «ассистент».

Дрессировщик остановился, скомандовал Пальме сидеть и кивнул Грише головой: можно, мол, начинать. «Ассистент» надвинул на нос кепку, свирепо выпятил нижнюю челюсть и, слегка приседая, болтая концами рукавов, зигзагами стал подбираться к собаке.

Пальма заметила «ассистента» и сидя принялась разглядывать его, склоняя бородатую морду то вправо, то влево. Когда Гриша приблизился к ней метров на десять, она поднялась и негромко зарычала.

— Пальма! Фу! Сидеть! — сказал Олег, и Пальма неохотно села, продолжая скалить зубы.

«Ассистент» стал на четвереньки и тоже зарычал.

— Фасс! — крикнул Олег.

Пальма рывкнула и так стремительно бросилась на Гришу, что дрессировщик еле удержал её за верёвку. Гриша вскочил и шарахнулся в сторону.

— Видал? — тихонько сказал Олег.

— Ага,— так же тихо ответил Гриша.— Только она бы и без твоего «фасса» бросилась... Ведь я её дразнил.

— Теперь знаешь что? Теперь давай без дразнения. Ты спрячься за угол, а потом выйди и спокойно иди по тротуару. И даже не смотри в нашу сторону. Ладно?

— Ладно!

Гриша добежал до перекрёстка, спрятался за угол и, подождав там с минуту, неторопливо, степенно зашагал по противоположному от Олега и Пальмы тротуару. Вот он поравнялся с ними... Вот прошёл мимо...

— Фасс!

«Рррав! Рав-рав!»

Обернувшись, Гриша увидел, как Пальма, натягивая верёвку, рвётся к нему.

— Здорово? — сказал Олег с другого тротуара.— Всё! Спасибо! Проверка сделана. Снимай спецодежду и иди сюда.

Гриша снял ватник и, отирая пот со лба, прибли-

зился к дрессировщику. Пальма попыталась цапнуть его за ногу, но Олег прикрикнул на неё и заставил сесть. Он улыбался, голубые глаза его блестели, а лицо разгорелось от удовольствия.

— Видел? Видел, что такое дрессировка? Ты даже не взглянул на неё, а она уже бросилась!

Стоя несколько поодаль от Пальмы, Гриша ковырял в носу.

— Ну и что ж, что бросилась! Я её дразнил, она меня запомнила, вот и бросилась. И в такой одежде она на каждого бросится. Вот если бы она на ту тётеньку бросилась, тогда другое дело было бы.— И Гриша указал глазами на полную гражданку, которая вразвалочку шла по противоположному тротуару, держа в руке сумку с продуктами.

Олег перестал улыбаться и тоже посмотрел на гражданку. Когда она прошла мимо, он присел рядом с Пальмой и, вытянув руку в направлении прохожей, тихонько скомандовал:

— Пальма, фасс!

В ту же секунду раздался звонкий лай и верёвка дёрнула Олега за руку.

— Пальма, фу! — Олег с торжеством обратился к Грише: — Ну что, а? Ну Что, видел?

Только теперь Гриша уверовал в силу дрессировки. Держа под мышкой свою лохматую спецодежду, он присел на корточки перед Пальмой и стал разглядывать её.

— Это какая порода? Дворяжка?

— В том-то и дело, что обыкновенная дворяжка!

— Если бы овчарка, она ещё лучше бросалась бы,—заметил Гриша.

— А я, ты думаешь, для чего её дрессирую? Я выучу её, пойду в питомник, где служебных собак разводят, покажу, как я умею дрессировать, и мне дадут на воспитание щенка-овчарку.

Гриша поднялся. Он всё ещё смотрел на Пальму.

— Наверняка дадут? — спросил он.

— Не совсем наверняка, а просто я так думаю.

— А у нас в городе есть... эти самые... где овчарок разводят?

— Питомники? Конечно, есть. При Досаафе есть, при управлении милиции есть... Я в Досааф пойду. Вот только отработаю с ней лестницу, барьер и выдержку и пойду показывать.

— А что такое лестница, барьер и выдержка?

— Лестница — это чтобы она умела подыматься и спускаться по приставной лестнице. Барьер — это чтобы она умела преодолевать заборы, а выдержка — это так: я, например, скамандую ей сидеть, потом уйду куда-нибудь, хотя бы на полчаса, и она будет сидеть на одном месте до тех пор, пока я не вернусь.

До сих пор Гриша мало был знаком со служебным собаководством. Он слышал, что есть собаки-ищейки, раза два он видел в кино замечательно умных овчарок, совершавших подвиги вместе с пограничниками, но всегда ему казалось, что воспитание подобных собак доступно лишь особым специалистам. И вот теперь он увидел, что не специалист, а простой его одноклассник заставляет не овчарку, а самую паршивенькую дворняжку по команде садиться, по команде ходить рядом, по команде бросаться на прохожих. С виду флегматичный, угрюмый, Гриша был человеком страстным, увлекающимся. Сейчас, разглядывая

Пальму, он представлял себе, как он идёт рядом с огромной овчаркой, от которой все шарахаются в стороны, как он приходит с ней в школу и как на глазах у изумлённых ребят этот свирепый, клыкастый зверь по одному его, Гришиному, слову перебирается через забор, подымается по приставной лестнице на чердак сарая и спокойно, не сходя с места, сидит во дворе, пока Гриша занимается в классе.

— Вершинин, а где ты научился... это самое... дрессировать?

— Очень просто. Купил себе в магазине книжку, «Служебное собаководство» называется, по ней и научился.

— Я себе тоже такую куплю. С собаками вот плохо. Я бы мог какую-никакую дворняжку поймать, только бабушка прогонит.

Ребята долго беседовали, стоя на краю тротуара. Олег показал Грише все штуки, какие умела проделывать Пальма. Гриша был так увлечён этим, что только раз оглянулся, услышав в отдалении неторопливые, чёткие шаги. По противоположному тротуару, высокий, стройный, подтянутый, шёл милиционер с лейтенантскими погонами на плечах. Заложив большие пальцы рук за поясной ремень, он поглядывал на двух ребят, возившихся с уродливой собакой, и улыбался. Олег тоже заметил милиционера.

— Смотрит,— тихо сказал он.

Польщённые вниманием лейтенанта, ребята снова оглянулись на него и улыбнулись. Тот слегка им подмигнул. И вдруг Гриша вспомнил, что, по словам Олега, в управлении милиции тоже ведь есть питомник! Он тихонько толкнул Олега в бок и зашептал:

— Покажи ему! Покажи ему, как она бросается!

— Неудобно.

— Ну, чего неудобно! Шутя ведь! Покажи!

Олег секунду поколебался, потом присел, вытянул руку в направлении милиционера и громко, чтобы тот слышал, крикнул:

— Пальма, фасс! Фасс!

Пальма рванулась, выдернула верёвку из руки Олега и с яростным лаем понеслась к милиционеру.

— Тикай! — в ту же секунду крикнул Гриша.

Что было дальше с Пальмой, ребята не видели. Кинув стёганку на тротуар, Гриша юркнул в ближайшие ворота, Олег бросился за ним. Ребята даже не разглядели двора, в который они забежали, они заметили только, что у забора, справа от ворот, возвышается большая поленница, а между поленницей и забором есть щель шириной сантиметров в тридцать, если не меньше. Оба, словно сговорившись, свернули направо, втиснулись в эту щель и замерли. Через несколько секунд до них донеслись размеренные шаги, затем стук пальцев по стеклу окна. Всё это слышалось совсем близко, почти у самой поленницы. Прошло ещё несколько секунд. Щёлкнула задвижка, скрипнула дверь. Молодой женский голос немного встревоженно спросил:

— Вам кого?

— Это ваши дети хулиганят — собак на прохожих натравливают?

— Де-е-ти? — протянула женщина. — У нас во всём доме ни одного ребёнка нет.

— Ни одного ребёнка нет, а я видел, как двое сюда побежали. Видите, что она мне сделала?

— Пожалуйста! Войдите да посмотрите, если не верите. Двор у нас проходной. Вон калитка! Наверно, туда и убежали.

Несколько секунд длилось молчание.

— Ну, виноват,— пробормотал наконец лейтенант.— Простите.

— Пожалуйста,— ответила женщина.

Хлопнула дверь. Шаги милиционера стали удаляться в сторону, противоположную от ворот, и скоро совсем затихли.

Всё это время мальчики простояли не шевелясь, не дыша, стиснутые между кирпичным забором и поленьями, острые углы которых впивались им в рёбра, в плечи и живот.

— Вылезай,— прошептал Гриша.

— Тише ты, дурак! — прошипел Олег и вцепился пальцами в Гришину руку повыше локтя. Он весь дрожал от испуга.

— Вылезай! А то вернётся — здесь искать будет, — сказал Гриша и силой вытолкнул Олега из-за поленицы. Не взглянув во двор, не поинтересовавшись, там ли милиционер или нет, ребята выскочили за ворота и со всех ног помчались по улице.

Они остановились только в подъезде Гришиного дома. На носу и щеке «ассистента» красовались большие ссадины: он ободрал лицо о поленья. Новенькие синие брюки дрессировщика были испачканы смолой, к ним прилипли мелкие щепочки и чешуйки сосновой коры.

— Вот это влипли! — медленно проговорил он, когда отдышался.— Дурак я был, что тебя послушался!

— Дурак, что верёвку выпустил! — буркнул Гриша и сел на ступеньки лестницы, подперев подбородок кулаками и надув губы.

Олег подошёл к Грише и наклонился над ним:

— Ты знаешь, что теперь будет? Думаешь, это дело так оставят? На представителя власти собак травливать!

— И ничего не будет. Скажем, что нечаянно: показать хотели, — проворчал Гриша.

— «Показать хотели»! — передразнил Олег. — А кто тебе поверит, что показать хотели? Как ты докажешь, что хотели показать?

Гриша угрюмо молчал. На душе у него было тошно.

— А ты ещё спецодежду потерял, — продолжал допекать его Олег. — Мне она не нужна, а знаешь, что теперь будет? Нас найти могут по этой спецовке.

— Как ещё найти? — уныло спросил Гриша.

— А очень даже просто: приведут ищейку, дадут ей понюхать спецодежду, и она по запаху найдёт и меня и тебя, потому что ты тоже её надевал.

Гришу совсем взяла тоска. Он встал, заложил руки за спину и, вцепившись пальцами в локти, прошёлся по площадке. Через минуту он остановился перед Олегом.

— Слушай! Давай так: если тебя поймают, ты не говори, где я живу, скажи, что не знаешь. А если меня поймают, я не буду говорить, ладно?

— Ладно, — Помолчав немного, Олег вздохнул: — Пока! Пошёл. Тут ещё уроки надо готовить!

Высунув голову из двери, он посмотрел направо, посмотрел налево и рысцой затрусил по улице, то и

дело оглядываясь... Гриша поплёлся на второй этаж, в свою квартиру.

Бабушка, открывшая ему дверь, сразу заметила ссадины на его лице.

— Ишь ободрался! Где это тебя угораздило?

— Так просто...— буркнул Гриша и прошёл в комнату.

До вечера он слонялся по квартире без дела, часто подходил к двери, со страхом прислушиваясь к шагам на лестнице, ожидая, что вот-вот раздастся звонок и на пороге появится милиционер с овчаркой.

А на дворе, как назло, стоял чудесный сентябрьский день. На улице, под окнами у Гриши, происходил напряжённый футбольный матч между ребятами из Гришиного дома и футболистами соседнего двора.

— Гришк! Иди! Проигрываем без тебя! — кричали ему мальчишки, когда он выглядывал в окно.

— Не хочется, — угрюмо отвечал Гриша и отходил в глубину комнаты.

Настал вечер. Пришли папа и мама. Сели ужинать. Глядя себе в тарелку, Гриша жевал котлету так медленно, так неохотно, что мама встревожилась.

— Гришунь, что это ты скучный такой?

— Так...

Потянувшись через стол, мама пощупала ладонью Гришин лоб.

— Всегда такой аппетит у ребёнка, а тут еле жуёт!

— Похоже, с ребятами чего не поделил. Видишь, нос ему поцарапали,— сказал папа.— Верно я говорю, Григорий Иванович?

Гриша ничего не ответил. Он молчал до конца ужина и только за чаем обратился к отцу:

— Пап, вот у нас один мальчишка натравил собаку на милиционера, и она его укусила. Что ему будет, этому мальчишке, если его поймают?

— Как — что будет! Родителей оштрафуют, в школу сообщат... За такое хулиганство по головке не погладят.

— Это сегодняшний небось натравил,— заметила бабушка.

— Какой «сегодняшний»? — переспросил папа.

— Да приходил тут к Гришке один. С виду аккуратный такой, а с ним собака... Ну до того отвратительная, прямо глядеть тошно!

На следующий день было воскресенье. Всё семейство собралось идти обедать к Гришиной тёте, которая сегодня праздновала день своего рождения. Гриша хотел было сказать, что ему нездоровится, и остаться дома, но потом представил себе, как он будет томиться в квартире один-одинёшенек, в то время когда можно было бы сидеть среди весёлых тётиних гостей, есть всякие вкусные вещи и слушать радио.

Гриша отважился пойти. Как назло, папа, мама и бабушка решили не ехать в автобусе, а прогуляться пешком. Нечего и говорить, насколько мучительными оказались для Гриши эти два километра. В каждом милиционере ему чудился тот самый лейтенант, и Гриша не шёл по улице, а всё время маневрировал. Едва увидев человека в милицейской форме впереди

себя, он сразу отставал от родных и шёл за ними, почти уткнувшись лицом в папину спину. Обнаружив милиционера сзади, он забегал вперёд и шёл так близко от родителей, что они наступали ему на пятки.

— Слушай, друг, да иди ты, как люди ходят! Что ты вертишься, как заведённый? — не выдержал отец.

В этот момент шагах в пятнадцати от Гриши из какого-то магазина вышел высокий, милиционер и направился прямо к нему. Гриша не успел разглядеть его лицо, не заметил, какие на нём погоны. Он тут же юркнул в ближайший подъезд и взбежал на площадку второго этажа. Минуты две всё семейство Уточкиных стояло перед подъездом, тщетно покрикивая:

— Григорий! А ну, довольно тебе дурить! Что, маленький, в самом деле?

— Гришка, будешь озорничать—домой отправишься, слышишь?

С не меньшими предосторожностями шёл Гриша на следующее утро в школу. У школьного подъезда он встретил Олега. На нём вместо синих брюк были теперь серые, вместо жёлтой тенниски была белая рубаша. На голове у Олега сидела соломенная крымская шляпа с огромными полями, которая делала его похожим на гриб.

— Ну как? — спросил Гриша, поздоровавшись с Олегом.

— Пока ничего. Я костюм переменял для маскировки. Видишь?

— Пальма вернулась?

— Вчера ещё. А у тебя как?

— Пока в порядке.

Прошло три дня. Никаких неприятностей за это

время не случилось. Гриша постепенно осмелел. Он снова начал играть с ребятами в футбол и уже не шарахался в подъезды при виде милиционера. То же было и с Олегом. Скоро Гриша опять стал мечтать о воспитании овчарки и, однажды встретив во время перемены Олега, спросил его:

— Ну как, дрессируешь?

— Нет. У меня Пальма сейчас больна.

— Чем больна?

— Да так что-то... Ничего не ест, не пьёт да всё лежит...

— Когда будешь опять дрессировать, возьми меня, ладно? Я поучиться хочу.

Дрессировщик обещал позвать Гришу, а в воскресенье случилось следующее.

Папа, мама и Гриша сидели за обеденным столом. Бабушка ушла зачем-то в кухню. Вдруг раздался звонок. Бабушка открыла дверь и ввела в комнату Олега. Тот тяжело дышал, не то от волнения, не то от быстрого бега. На лбу и носу его блестели мелкие капельки пота.

— Здравствуйте! — сказал он и, помолчав, добавил: — Приятного аппетита.

Затем он помолчал ещё немного, вобрал в себя воздух и вдруг выпалил:

— Уточкин, я пришёл тебе сказать, что тебе нужно делать прививки.

В комнате на секунду стало очень тихо.

— Какие прививки? — спросил Гриша.

— От бешенства. У нас Пальма заболела, перестала есть и пить, а потом ушла куда-то и пропала. Мама пошла в ветеринарную поликлинику, и ей там

сказали, что у Пальмы могло быть бешенство, только тихое. Вот! И теперь мне, маме, тебе и другим ассистентам надо делать прививки.

— Та-ак! — негромко сказал Гришин папа.

— Ну вот, словно сердце чуяло! — проговорила бабушка. — Только он пришёл со своей собакой этой, так ну словно в меня что-то стрельнуло: не бывать добра от этой собаки, не бывать!

Олег добавил, что прививки надо делать срочно, потому что Пальма могла болеть уже давно, и ушёл. Гриша расспросил отца о том, как проявляется бешенство, и после этого весь вечер бегал на кухню к крану пить воду, чтобы проверить, не начнётся ли у него водобоязнь. Он лёг спать в очень мрачном настроении, проснулся на следующее утро тоже не в духе. Но, придя в школу, сразу развеселился.

У школьного крыльца большая толпа ребят встретила его хохотом и громкими криками:

— Во! Ещё один бешеный!

— Привет взбесившемуся!

Оказалось, что у Олега в классе, помимо Гриши, было ещё целых тринадцать «ассистентов», и всем им нужно было сегодня идти на пастеровскую станцию. Вся школа уже знала об этом, и шуткам не было конца. «Бешеные» не обижались, а, наоборот, сами развлекались вовсю. Среди школьников нашлось несколько девочек, которые боялись подходить к помощникам Олега, считая их уже заразными. К великому удовольствию всех ребят, «ассистенты» на каждой перемене гонялись за этими девчонками, щёлкая зубами и страшно завывая.

По окончании уроков десятка четыре школьников

задумали провожать «ассистентов» и дрессировщика на пастеровскую станцию.

— Олег, командуй! Олег, построь своих бешеных!—раздавались крики, когда наши герои вышли на улицу.

— Бешеные! Построиться! Правое плечо вперёд, шагом марш! — скомандовал Олег.

Ухмыляющиеся «ассистенты» парами замаршировали по тротуару, а провожающие густой толпой последовали за ними, играя на губах весёлый марш.

Войдя во двор, где помещалась станция, ребята подняли такой шум, что все медицинские работники повысовывались из окон. Врачи и сёстры сначала рассердились на ребят, но, узнав, что это провожают Олега, о котором они уже слышали вчера от его мамы, и что с ним четырнадцать «ассистентов», они сами начали смеяться.

Провожающие остались во дворе, а дрессировщик и его помощники вошли в помещение станции и выстроились в очередь у окошка с табличкой: «Запись первично укушенных». Эта табличка всех ещё больше развеселила. Гриша даже выбежал во двор, чтобы сообщить ребятам:

— Мы теперь не бешеные, а первично укушенные!

Получив от врача направление на укол, «ассистенты» вышли во двор, Олег скомандовал: «Первично укушенные, построиться!» — и все торжественным маршем направились в районную амбулаторию, где «ассистентам» и дрессировщику впрыснули по порции сыворотки в животы. И хотя уколы были довольно болезненны, всем по-прежнему было очень весело.

После прививок «первично укушенные» и прово-

жающие кучками разошлись по домам в разные стороны. Гриша и Олег жили дальше всех, поэтому они скоро остались одни. Бодро шагая рядом с Гришей, Олег вспоминал всё пережитое за сегодняшний день.

— Мы теперь благодаря Пальме на всю школу прославились! — говорил он, улыбаясь. — Хотя нам и уколы теперь делают...

— Угу. Зато смеху было сколько! — вставил Гриша.

— Главное — ко всему относиться с юмором, — философствовал Олег. — Если будешь ко всему относиться с юмором, то никакие неприятности тебе...

Он вдруг умолк, замедлил шаг и скоро совсем остановился, глядя куда-то вперёд в одну точку. Он уже не улыбался. Лицо его побледнело и приняло самое несчастное выражение. Гриша взглянул в том направлении, куда смотрел Олег, и тоже весь как-то осунулся.

Недалеко от них, на середине перекрёстка, стоял постовой милиционер низенького роста, с большими, закрученными вверх усами. Секунд пятнадцать ребята молча смотрели на этого милиционера, потом взглянули друг на друга.

— Э-э, а лейтенант-то? — совсем тихо, упавшим голосом сказал Гриша.

Олег молчал. Ребята машинально тронулись дальше и долго шли, не говоря ни слова.

— А может, она его не покусала, — сказал наконец Гриша.

— Почём я знаю! — почти шёпотом ответил Олег.

— А может, она и вовсе не бешеная, да?

Олег вдруг резко остановился.

— А если бешеная? А если покусала, тогда что? — вскрикнул он неожиданно тоненьким, пискливым голоском.

— Предупредить нужно, да? — глядя себе под ноги, сказал Гриша.

— А ты думаешь, не надо? Думаешь, не надо? А если человек из-за нас умрёт, тогда что?

— Вот я и говорю: надо.

— «Надо, надо»! А как ты предупредишь? Как предупредишь? Пойдёшь и скажешь ему: «Здравствуйте! Это мы на вас собаку натравили. Теперь идите делать прививки». Так ты ему скажешь, да? Знаешь, что он с нами сделает?

Ребята подошли к крыльцу старинного особняка, украшенному каменными львами со щербатыми мордами. Олег положил на одну из ступенек свой портфель и сел на него. Сел рядом с ним и Гриша. Глаза у дрессировщика покраснели, он часто моргал мокрыми ресницами и хлюпал носом.

— Дурак я!.. Нет... нет, не дурак, а просто идиот, что послушался тебя! — причитал он, мотая из стороны в сторону головой. — Послезавтра папа из отпуска приезжает, а я... я ему такой подарочек... «Платите штраф рубликов двести за вашего сына».

— И ещё из пионеров исключат, — добавил Гриша.

Долго сидели дрессировщик и «ассистент» на ступеньках крыльца между каменными львами. Лица обоих выражали такое уныние, что прохожие замедляли шаги, поглядывая на них. Уже давно настало время обеда, но ни Гриша, ни Олег не вспомнили об этом. Каждый из них с тоской представлял себе, как

его задерживают в милиции, как вызывают туда ничего не подозревающих родных и как, наконец, на глазах у всего класса снимают с него пионерский галстук. И каждый чувствовал, что он не в силах вынести всё это. И каждого вместе с тем мороз продирает по коже, как только он начинал думать о лейтенанте, который мог умереть мучительной смертью из-за их малодушия.

— У него, может, дети есть,— медленно проговорил Гриша.

Олег помолчал немного, потом сказал решительным тоном:

— До приезда папы из отпуска ничего не будем делать. Послезавтра папа приедет, я его встречу как следует, а после послезавтра пойдём и заявим.

Гриша не ответил. Олег помолчал ещё немного и вдруг быстро поднялся.

— Нет, не могу! Уж лучше сразу, чем ещё два дня мучиться! Идём!

Гриша не шевелился. Он сидел на ступеньках, опустив голову, и молчал.

— Ну, пошли! Решили так уж решили,— сказал Олег.

— Куда пошли? — проворчал Гриша, не подымая головы.

— Ну, в милицию, в третье отделение. Пойдём расскажем всё, а там они уж сами найдут того лейтенанта и предупредят. Пошли!

Но Гриша и на этот раз не шевельнулся.

— А мне чего ходить? Твоя собака, ты и иди.

— Ах, так! Ну и пожалуйста!.. Как хочешь!..— Олег всхлипнул.— Сам подбил меня, чтобы натра-

вить, а теперь в кусты... Как хочешь... Пожалуйста!..

И Олег, вытянувшись в струнку, слегка подрагивая узкими плечами, не оглядываясь, пошёл по тротуару.

Тут только Гриша поднял голову и стал смотреть вслед удаляющемуся товарищу. Через минуту он вскочил и рысцой догнал дрессировщика:

— Ладно. Пошли.

Приятеля зашагали рядышком по тротуару. Пройдя два квартала молча. Олег громко, с какой-то судорожной уверенностью в голосе заговорил:

— Вот увидишь, что нам ничего не будет! Ну вот увидишь!.. Ведь они же должны понимать!.. Ведь мы же благородный поступок... Ведь мы же ему, может быть, жизнь спасаем, правда? Ведь они должны понять, правда?

Гриша молчал, только сопел.

И вот они остановились перед подъездом, рядом с которым была прибита вывеска: «3-е отделение милиции».

— Пошли? — чуть слышно сказал Олег, взглянув на Гришу.

— Пошли,— прошептал тот.

И оба не двинулись с места.

— Ну, идём? — сказал через минуту Олег.

— Идём.

Олег приоткрыл дверь, заглянул в неё, потом тихонько, словно крадучись, вошёл в подъезд. Следом за ним бочком протиснулся и Гриша.

Ребята вошли в подъезд и очутились в длинном коридоре с рядами закрытых дверей. Только первая

дверь справа была открыта. Она вела в комнату, разделённую на две части деревянным барьером. Первая половина комнаты была пуста, если не считать милиционера, стоявшего у двери. За барьером у стола стоял маленький, толстый лейтенант с красным лицом и что-то сердито кричал в телефонную трубку. За другим столом, в дальнем углу, сидел ещё один милицкий работник.

— Вам чего тут нужно? — строго спросил милиционер у двери, как только ребята сунулись в комнату.

— Нам?... Нам... самого начальника... — пролепетал Олег.

— Какого начальника? Дежурного? По какому вопросу?

— Нам по вопросу... нам заявить нужно, по очень важному...

— Дежурный занят. Посидите здесь, — сказал милиционер, пропуская ребят в комнату, и передразнил с усмешкой: — «Заявить»!

«Ассистент». с дрессировщиком сели на скамью с высокой спинкой. Лица их теперь стали серыми от страха, потому что толстый лейтенант, уже окончательно побагровев, сверкая маленькими глазками, кричал в телефон, с каждой секундой всё больше распаляясь:

— А я из-за вас получать взыскания не намерен, товарищ Фролов! Понятно вам? Не намерен! Я лучше сам на вас взыскание наложу. Письмо получено. Да, да, получено, товарищ Фролов.— Лейтенант взял со стола какой-то зелёный конверт, потряс им над своей головой и с размаху бросил на стол. — И вы дурака

не валяйте, товарищ Фролов! Маленького из себя не стройте!

Тут Гриша почувствовал, как Олег толкнул его в бок, и услышал его взволнованный шепот:

— Дураки мы! Пойдём скорее! Ведь письмо написать можно... Напишем письмо, и всё!

Ребята поднялись.

— Всё! Кончены разговоры! Всё! — яростно прокричал толстый дежурный, треснул трубкой о рычаг и, сопя, повернулся к мальчикам: — Так! Слушаю вас!

Мальчики тут же взглянули друг на друга и ничего не ответили.

— Ну? Чего вам угодно? — повысил голос дежурный.

— Нам... мы... нам ничего... мы просто так... — пробормотал Олег.

— Как это «просто так»? Гулять, что ли, сюда пришли?

— Мы... Пойдём, Уточкин, — быстро сказал Олег.

Мальчики дёрнулись было к выходу, но тут же застыли на месте, в ужасе приоткрыв рты и вытаращив глаза: в дверях стоял тот самый лейтенант.

Гриша так и не запомнил, сколько длилось страшное, леденящее душу молчание. Ему казалось, что прошли целые часы, прежде чем Олег выговорил сдавленным голосом:

— Здравствуйте, товарищ лейтенант!

— Здравия желаю! — ответил тот, вглядываясь в мальчишек.

И вдруг дрессировщик и «ассистент», словно подхваченные волной отчаяния, заговорили одновременно

но, заговорили громко, быстро, перебивая друг друга, стараясь друг друга перекричать:

— Товарищ лейтенант, вы... вы... нас простите, это мы на вас тогда собаку...

— Ага... нечаянно... мы вам только показать...

— Мы её дрессировали на собаку охранно-сторожевой службы...

— Он поводок нечаянно упустил. Он вам только показать, а она вырвалась.

— Мы отрабатывали с ней команду «фасс», и мы хотели потом пойти в питомник и показать, как мы её дрессируем...

— Вам теперь прививки надо делать...

— И мы хотели попросить, чтобы нам дали настоящую овчарку на воспитание и...

— Потому, она, может быть, бешеная. Нам тоже делают прививки...

По мере того как дрессировщик с «ассистентом» несли эту околёсицу, лицо лейтенанта становилось всё жёстче, всё сердитее.

— Ясно! Хватит! — вдруг крикнул он и, сунув руки в карманы брюк, большими шагами стал ходить по комнате.

Ребята умолкли. От них, как говорится, пар шёл.

— А, ч-ч-чёрт! — прорычал высокий лейтенант.

Дежурный сидел, низко склонив голову над столом, и Гриша заметил, как он покусывает губы, чтобы не рассмеяться. Милиционер, сидевший в углу, закрыл лицо растопыренными пальцами правой руки, и плечи у него дрожали. И милиционер, стоявший у дверей, тоже сдерживал улыбку.

— А, ч-чёрт! — повторил лейтенант и вдруг, вынув руки из карманов и сжав кулаки, остановился перед мальчишками. — Да вы... Да я вам сейчас... да я... — выкрикнул он громко и, так и не договорив, снова принялся шагать по комнате.

— Это которая тебе брюки на коленке порвала? — спросил дежурный, всё ещё глядя в стол.

Лейтенант не ответил. Тогда дежурный поднял голову и обратился к Грише:

— Так! Твой адрес и фамилия.

— Кузнецов переулоч, дом три, квартира восемь, — тихо ответил тот.

Дежурный записал адрес на четвертушке бумаги и посмотрел на Олега:

— Твой?

— Проезд Короленко, пятнадцать, квартира один.

— Так! Идите!

Мальчишки направились к двери, но через два шага Олег остановился и обернулся к дежурному:

— Скажите, пожалуйста, а что нам теперь будет?

— Там увидим. Идите, пока целы.

Милиционер, стоявший в дверях, пропуская ребят, легонько щёлкнул Гришу по макушке.

Очутившись на тротуаре, мальчишки бросились бежать, словно боясь, что лейтенант сейчас выскочит и погонится за ними. Когда же они свернули в ближайший переулоч, Олег вдруг остановился, сунул руки в карманы брюк и прислонился спиной к стене дома.

— Дураки, дураки и дураки! — сказал он медленно и негромко.

— Кто... дураки?

— Мы с тобой дураки: зачем мы правдышные адреса дали? Ведь никто не проверял.

Гриша в ответ на это только вздохнул.

* * *

Одиннадцать дней Гриша ждал, что его родителей вызовут в милицию. На двенадцатый день, когда он был в школе, раздался звонок. Бабушка открыла дверь и увидела стройного лейтенанта в милицейской форме.

— Виноват! Здесь живёт Гриша Уточкин?

— Зде-е-есь,— протянула бабушка упавшим голосом.

— Дома он?

— Не-е-ту... В школе...

— Разрешите на минуту!..

Бабушка посторонилась, пропуская лейтенанта в переднюю, и тут только заметила, что лейтенант ведёт на поводке щенка-овчарку с острой мордой, торчащими ушами и высокими толстыми лапами.

— Вот, передайте ему, пожалуйста,— сказал лейтенант, вкладывая конец поводка в бабушкину руку.— На ошейнике монограмма есть. И скажите, что привет им обоим от лейтенанта Самойленко.

Лейтенант приложил руку к козырьку и удалился. Бабушка выпустила из рук поводок и долго стояла, уперев руки в бока, глядя на щенка, который расхаживал по передней, потягивая носом. Потом она сходила в комнату, надела очки и, вернувшись в переднюю, присела на корточки.

— Ну-ка, ты! Как тебя?.. Поди сюда! — сказала она, чмокнув губами.

Щенок подошёл к ней, виляя хвостом и улыбаясь. Придерживая его за спину, бабушка нашла на ошейнике металлическую пластинку. На ней было выгравировано:

«Грише Уточкину и Олегу Волошину от работников 3-го отделения милиции».

— Ишь ты!..—прошептала бабушка.

ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Как-то раз, ещё будучи студентом-практикантом, я присутствовал на уроке Николая Николаевича.

Николай Николаевич стоял вытянувшись перед классом, чуть приподняв седую бородку клинышком. Белая, вся в вихрах и завитушках шевелюра его резко выделялась на фоне классной доски, а чёрная суконная блуза «толстовка» почти сливалась с ней. В правой руке он держал раскрытую книгу, в левой — пенсне на чёрной тесёмочке. Не глядя в книгу, чуть помахивая пенсне, он взволнованно читал:

Погиб Поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой.
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..

Сидя на самой задней парте, я видел перед собой тридцать шесть затылков и по ним мог судить о том, с каким вниманием слушают ребята Николая Николаевича: тёмные и белобрысые, с косами и без кос — все затылки держались на слегка вытянутых шеях и были совершенно неподвижны.

Но вдруг два затылка — один рыжий, другой чёрный — оживлённо задвигались. Двое мальчишек, сидевших на одной парте, принялись указывать друг другу куда-то под потолок и оживлённо шептаться.

Николай Николаевич укоризненно взглянул на ребят. Те уgomонились, но ненадолго. Вскоре рыжий поднял маленький грязный кулак и кому-то им погрозил.

Несколько учеников возмущённо взглянули на рыжего. Николай Николаевич нервно дёрнул бородкой в его сторону.

— Анатолий, голубчик! Если тебе неинтересно, можешь выйти из класса, но другим слушать, пожалуйста, не мешай, — сказал он сдержанно и продолжал чтение.

Дойдя до второй части стихотворения, Николай Николаевич понизил голос. Гневно поглядывая на класс, он стал читать медленно и тяжело:

А вы, надменные потомки
Известной подлюстью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!

— Хи-хи! — раздалось в классе.

Николай Николаевич захлопнул книгу.

— Я не могу... — заговорил он подрагивающим

голосом.—Я не могу продолжать урок при таком отношении к творчеству Михаила Юрьевича! Я убедительно прошу Анатолия выйти из класса и не мешать коллективу работать.

Рыжий мальчишка сидел за своей партой не шевелясь.

— Толька! Выйди! Слышишь? Выходи, Толька! — закричало несколько голосов.

Толька вздохнул на весь класс и направился к двери.

— Виноват! Минутку! — проговорил Николай Николаевич.— Подойди, пожалуйста, сюда.

Мальчишка повернулся и подошёл к учителю. Маленькое лицо его было светло-малинового цвета, на нём такие же рыжие, как волосы, поблёскивали веснушки, и из этого пёстрого окружения тоскливо смотрели небольшие голубые глаза.

Николай Николаевич осторожно приподнял кончик красного галстука, висевшего на шее Анатолия.

— Что это такое? — спросил он.

— Галстук,— тихо сказал мальчишка.

— Какой галстук?

— Пионерский.

Мальчишка не проговорил, а прохрипел это, но все в классе услышали его.

Николай Николаевич серьёзно посмотрел на класс:

— Обращаю внимание товарищей пионеров на это явление. Анатолия прошу подождать меня возле учительской.

Николай Николаевич умолк и протянул руку с пенсне по направлению к двери. Мальчишка с напряжённой физиономией вышел из класса.

— Безобразие! До чего разболтались! — пробормотал Николай Николаевич, снова раскрывая книгу.

Но в это время сдержанно засмеялся один ученик, потом другой, третий, и через несколько секунд уже громко хохотал весь класс. Все смотрели туда, куда только что глядел пострадавший Анатолий.

Посмотрел туда и Николай Николаевич. Посмотрел и я.

На стене, под самым потолком, была вентиляционная отдушина, прикрытая железной решёткой величиной с тетрадь, и за этой решёткой маячило человеческое лицо.

Николай Николаевич сразу притих. Мягкими шажками он сошёл с кафедры и стал напротив решётки, заложив руки за спину.

— Эт-то что такое? — проговорил он очень тихо.

В коридоре раздался звонок. Учебный день кончился, но в классе царила такая же тишина, как и в начале урока.

Физиономия за решёткой быстро уплыла в темноту.

Николай Николаевич почти выбежал из класса. Я бросился за ним.

Мы разыскали дворника, узнали от него, что попасть в вентиляционную систему здания можно только через котельную, и вместе с ним спустились в подвальный этаж. Дверь котельной оказалась запертой. Николай Николаевич шёпотом спросил дворника:

— Матвей Иванович, могу я узнать, как они сюда попали?

— Стало быть, через окно,—ответил тот, ковыряя ключом в замке.

Вошли в котельную. Там было прохладно, пахло сажей. Слева, высоко от пола, светились два окна с покатыми подоконниками, справа стояли два бездействующих (был май), коричневых от ржавчины котла. В конце помещения кирпичная стена имела выступ, похожий на огромную голландскую печь. Внизу на выступе имелась металлическая дверка, тоже похожая на печную, но только гораздо больших размеров. Дворник молча указал нам на неё.

— Николай Николаевич...— начал было я.

— Тш-ш!

Мы услышали шорох и все трое тихонько спрятались за котёл. Послышалось два приглушённых голоса:

— Ну, чего ты там застрял?

— Погоди! Я за что-то зацепился.

Железная дверца приоткрылась, и из неё выполз худенький мальчишка лет двенадцати с тонкой, очень серьёзной физиономией и давно не стриженными волосами, серыми от осевшей на них пыли. Следом за ним—другой мальчишка, толстый, круглоголовый. Он выглядел примерно на год младше первого.

Оба они принялись хлопать ладонями друг друга по бокам, по спине, и пыль, поднявшаяся от их костюмов, образовала целое облако.

— Знаешь, меня Николай Николаевич, наверно, узнал,—сказал толстый мальчишка. — Я заглянул к нему в класс, а он как увидит да ка-ак закричит: «Это что та...»

Николай Николаевич, стоявший, согнувшись, за

котлом, молча выпрямился. Выпрямились и мы с дворником. У обоих мальчишек челюсти отвисли от ужаса.

Заложив руки за спину, учитель приблизился к ним.

— Итак, что вы тут делали, позвольте узнать? — ровным голосом спросил он.

Мальчишки молчали. Толстый рассеянно смотрел на кирпичную стену подвала, тонкий шевелил носком ботинка валявшийся на полу кусочек кокса.

— Ну-с, я жду!

Толстый поднял на Николая Николаевича полные грусти выпуклые глаза и, снова опустив их, прошептал:

— Исследовали...

— Просто лазили, — тихо поправил его товарищ.

— И для этого сбежали с урока?

«Исследователи» молчали.

— Блестяще! — сказал Николай Николаевич. — А знаете ли, дорогие, как можно назвать ваш поступок? Растратой государственных средств! Да, да! Самой настоящей растратой государственных средств. Государство тратит огромные деньги, чтобы дать вам образование, чтобы сделать из вас людей, а вы что делаете во время занятий? И сами не учитесь и мешаете другим! Как это можно назвать?

Толстый растратчик государственных средств тихонько заплакал. Тонкий наступил каблуком на кусочек кокса и принялся сверлить им цементный пол.

— Идите! И прошу подождать меня возле учительской.

«Исследователи» бесшумно вышли из подвала. Николай Николаевич обратился к дворнику:

— Матвей Иванович, надо запереть эту дверцу. Этак много любителей найдётся.

— Да тут был замок... Не знаю, куда делся.

— Очень вас прошу: сейчас же найдите новый и повесьте.

Мы с учителем остались одни. Николай Николаевич прошёлся по котельной и улыбнулся, покачивая головой.

— Ужас, что за народ! — вздохнул он.

Он помолчал, оглядывая котельную, причём бородка его резко дёргалась во все стороны, потом вздохнул и заговорил мягко, задумчиво:

— Да, милый вы мой, удивительно всё-таки жизнь устроена! Тридцать лет преподаю в этой школе, смотрю на эти отдушины с решётками и ни разу не подумал, что у меня под боком такой лабиринтище.

Он ещё раз осмотрелся кругом, нагнулся и зачем-то заглянул под котлы.

— Вот вы живёте в доме, живёте десятки лет. Уж, казалось бы, вы должны знать его до последней балки, а вы и сотой части не знаете. А потом вот такой... как бы вам сказать... шпингалет открывает вам глаза. А? Милый мой, разве не удивительно?

Я кашлянул и сказал:

— Да... Конечно...

Николай Николаевич теперь прохаживался по котельной и размахивал в воздухе пенсне:

— В конце концов, настоящая любознательность, то есть чисто биологическая страсть к познанию мира, живёт в человеке очень недолго... Лет с пятнадца-

ти-шестнадцати мы уже перестаём замечать весьма многие окружающие нас явления. Мы сосредоточиваем своё внимание на... как бы вам, милый мой, сказать... на весьма узкой сфере этих самых явлений... М-да!

Николай Николаевич остановился, надел пенсне и принялся разглядывать выступ в стене.

— По всей вероятности...— Он помолчал, соображая.— По всей вероятности, такая система вентиляции в современных домах не строится. Стены слишком тонкие. А это... Вы посмотрите—это же целый лабиринт!..— Он подошёл ближе к выступу.— Очевидно, это основной, центральный, так сказать, канал... Или шахта. Как вы думаете? А? От него идут ответвления...

Николай Николаевич открыл железную дверцу и нагнулся, заглядывая в неё:

— И в этих ответвлениях... в этих ответвлениях создаётся своего рода сквозняк...

Голос Николая Николаевича стал глуше, потому что он совсем влез в отверстие и теперь стоял выпрямившись в шахте.

Мне стало скучно:

— Пора, Николай Николаевич. Может быть, пойдёмте...

— А вот тут скобы есть, — донеслось из отверстия,— чтобы лазить... Удивительно, как всё предусмотрено! Очевидно, для... Гм! Гм!

Бормотание Николая Николаевича стало ещё глуше и отдалённей. Я сунул голову в отверстие:

— Пойдёмте, Николай Николаевич. Уже, наверно, из школы все ушли.

Откуда-то сверху, из темноты донёсся голос:

— Гм! Вы только посмотрите: это шахта... Идите-ка сюда. Да нет, вы идите сюда. Вот здесь, на стене, металлические скобы, так вы по ним. Вы обратите внимание, как здесь всё предусмотрено... Да вы лезьте сюда. Вот здесь, около меня, уже боковой ход...

Я подумал, что старик обидится, если я его не слушаюсь, и, нащупав скобы, полез во тьму... Вскоре я коснулся головой ботинка Николая Николаевича.

— Виноват,— сказал он.

В это время внизу, в котельной, слышались шаги.

— Николай Николаевич, идёт кто-то, неудобно.

— Тш-ш! — прошипел Николай Николаевич.

Мы притихли. Шаги приблизились. Громко хлопнула металлическая дверца, что-то лязгнуло, потом щёлкнуло. Шаги, на этот раз чуть слышные, удалились.

Если раньше можно было видеть слабо освещённый низ шахты, то теперь наступила абсолютная, кромешная темнота.

— Милый вы мой,— забормотал над моей головой Николай Николаевич,— мы, кажется, большую оплошность допустили.

— А именно?

— По всей вероятности, это дворник приходил.

— И он запер нас?

— Да, голубчик, насколько я могу предположить, он запер нас.

— Гм!

— Да-а!

Мы помолчали. Николай Николаевич завозился наверху:

— Вы разрешите мне спуститься? Всё-таки, знаете ли, седьмой десяток.

Я сполз по скобам вниз, за мной — педагог. В узкой шахте мы стояли вплотную друг к другу.

Я потрогал дверцу:

— Заперта, Николай Николаевич.

Он вздохнул:

— Милый вы мой, как это всё нехорошо получается!

Опять помолчали. Потом я предложил:

— Кричать надо.

— Кричать? Гм! Да... Кричать... Но, знаете, уж больно это будет... как бы вам сказать... непедагогично. Вы же сами понимаете: занятия кончились, но много детей ещё осталось, кто в кружках, кто в читальне, а мы будем кричать, и в каждой-комнате услышат... «Что такое?—скажут.—А это Николай Николаевич в трубу забрался и голос подаёт». Неловко.

— Так что же делать?

— Честное слово, ничего не могу придумать, милый вы мой! Поверите ли, со мной никогда подобных приключений не случалось.

Я сказал, что охотно верю. Я начинал злиться.

Николай Николаевич дотронулся до моего плеча:

— Знаете что, голубчик? Вы человек молодой, ловкий. Может быть, вы слазите в какой-нибудь боковой канал и тихонько, не поднимая шума, скажете кому-нибудь: так, мол, и так, случилось такое досадное происшествие... А? Я вам буду очень признателен за это.

Что ж делать? Я снова нащупал шершавые скобы и стал карабкаться в потёмках наверх, жалея, что у меня нет спичек. С каждым движением на меня сыпались какие-то соринки, было очень пыльно, и я чихал. В темноте я не видел, на какую высоту залез, но когда я добрался до первого бокового хода, то мне показалось, что я вишу над бездонной пропастью.

Боковой канал был четырёхгранной трубой длиной метров в шесть. В конце его сквозь решётку проходил свет. Я лёг на живот и стал протискиваться в тесной трубе, засыпанной пылью, кусочками извести и кирпича. Когда я добрался наконец до решётки и стал смотреть через неё, то долго не мог понять, к какому помещению попал. Всё оно было заполнено какими-то перегородками. Когда же понял, то полез обратно. Вылезая из трубы, я выгреб своим телом кучу сора, и он полетел вниз. Николай Николаевич закашлял, зачихал, потом бодро спросил:

— Ну, каковы результаты?

— Раздевалка, Николай Николаевич.

— Жаль, жаль!

Долго я ползал по пыльным и тесным ходам этого дурацкого лабиринта и каждый раз попадал или к совершенно пустому классу, или к классу, где зани-

мался какой-нибудь кружок. В конце концов я подполз к учительской. Там вокруг большого овального стола сидели все педагоги школы и слушали выступление директора — высокого человека в кавказской рубашке. Поспешно отступая от учительской, я заметил, что есть ещё один канал, перпендикулярный тому, по которому я полз. Я залез в него, добрался до решётки, заглянул сквозь неё и сразу дёрнулся назад.

Совершенно измученный, я опустился на дно шахты:

— Плохо, Николай Николаевич!

— Никого не нашли?

— Нашёл. В учительской заседание педсовета.

— Ох! А я, выходит, не явился.

— А рядом с учительской — трое ребят, с которыми у вас должен быть разговор.

Николай Николаевич вздохнул где-то возле моего плеча и прошептал:

— Всё ещё меня ждут.

Мы помолчали с минутой.

— Итак, милый мой, что же вы предложите?

— Что же предлагать! Нужно опять добратсья до учительской.

— О, милый мой, что вы!..— взволнованно зашептал Николай Николаевич.— Вы всё-таки войдите в моё положение... Директор наш и все педагоги — милейшие люди, но... как бы вам сказать... едва ли они смогут понять причины, побудившие меня, старика...

— Эх, Николай Николаевич, а кто их сможет понять, эти причины!

— М-мда... Конечно... Но... Нет, я против этого. Категорически против.

— Ну так что же... Этим вашим мальчишкам говорить?

Николай Николаевич ответил не сразу:

— Видите ли, голубчик... При условии соблюдения ими полнейшей тайны это был бы неплохой выход... Они очень хорошо относятся ко мне, но в данном случае они являются лицами, до некоторой степени от меня зависимыми... Вы ведь знаете, чего они от меня сейчас ждут... И вот поэтому я не считаю себя вправе заставить их оказать мне такую...

— Да бросьте, Николай Николаевич! Я пошутил.

— Нет, почему же «бросьте». Вы знаете, я нашёл выход: отправляйтесь сейчас к ним...

— К кому?

— К ребятам, разумеется... И скажите, что Николай Николаевич попал в такую беду и обращается к каждому из них как... ну, как человек к человеку. Причём обязательно подчеркните, что неприятный разговор у меня с ними всё равно будет, это мой долг, а к ним обращаюсь как... человек к человеку, а не как педагог или там начальство...

— Бросьте, Николай Николаевич! Если вы говорите, что кричать непедагогично, то уж... Только что их распекали за это дело, а сами...

— Ну, знаете, милый вы мой, у вас какие-то устаревшие взгляды просто. Они прекрасно знают, что я распекал их за пренебрежение к занятиям, а не за вполне естественную любознательность, здоровую страсть к исследованиям. Если бы, голубчик, не было этой страсти, Америка не была бы открыта.

— Тогда уж лучше сообщить о нашем положении кому-нибудь одному из них, а не всем троим. Но вот как это сделать?

— Не надо! Один разболтает. Обязательно разболтает. А трое — никогда. Ступайте! Ступайте! Они поймут. Только прежде всего возьмите с них слово, что всё останется в тайне.

— Всё-таки тайну нужно сохранить?.. — пробормотал я.

— Ничего не поделаешь. Нужно считаться... как бы вам сказать... со своего рода условностями. Ступайте, дорогой. Ступайте!

Николай Николаевич тихонько подталкивал меня, пока я снова не полез по скобам во тьму.

Добравшись до нужной решётки, я долго смотрел через неё на мальчишек. Они уже не разговаривали, а переминались с ноги на ногу, тоскливо поглядывая в конец коридора. Рыжий Анатолий присел на корточки у стены, вынул из кармана карандаш и принялся грызть его, отдирая зубами мелкие щепочки.

Долговязый «исследователь» вентиляционных каналов проговорил:

— Да не придёт он. Уже, наверно, из школы ушёл. Рыжий даже не взглянул на него:

— Да, «не придёт»! Не знаешь, так молчи уж!

— А что?

«Исследователи» сели рядом с Анатолием.

— А то! Ты в четвёртом?

— В четвёртом.

— Он у вас не преподаёт ещё. Вот перейдёшь в пятый, тогда узнаешь!

Рыжий некоторое время трудился над своим ка-

рандашом, потом вдруг повернулся к «исследователю»:

— Знаешь, какое самое первое правило для хорошего педагога? Никогда с детьми не трепись зря. Сказал — и делай. А Николай Николаевич знаешь какой педагог? О нём в «Пионерке» писали.

— Знаю. Только строгий очень,— вздохнул толстый.

— Не будешь с нами строгим, так мы всю школу разнесём.

Рыжий снова принялся за карандаш. Я лежал в своей норе, таращил на них глаза и глотал от волнения слюну. Лишь минуты через две я собрался с духом и прошептал:

— Мальчики!

Они не услышали. Толстый опять заговорил:

— А кто это молодой такой? С ним был.

Анатолий вынул из карандаша графит и стал писать им у себя на ладони.

— Ерунда. Практикант.

Мне стало душно. От пыли свербило в носу. Хотелось чихнуть.

— Мальчики! Ребята! — шепнул я уже погромче.

Все трое дёрнули головами, разом поднялись и уставились на меня. Толстый мальчишка тихонько хохотнул:

— Во! Ещё один!

Анатолий швырнул в решётку мусор, оставшийся от карандаша:

— Тебе здорово всыпят! Их уже поймали.

— Ребята!.. Мальчики!.. Я не то... Я говорю, я не тот, кто вы думаете. Одним словом, я к вам по поруче-

нию... Ну, от Николая Николаевича... Вернее, не от Николая Николаевича, а... тьфу, чёрт!

— Чего ты там бормочешь? — спросил толстый.

— Я говорю... Видите ли, какая штука... Николай Николаевич... Ну просто к вам обращается. Он вопрос о вас всё равно поставит... Тут маленькая неприятность вышла... Одним словом, нас заперли... Дворник запер. И вот мы... нечаянно, конечно, запер...

Рыжий вдруг перестал скалить зубы.

— Вы кто? Практикант? — догадался он.

— Ну конечно, практикант! — обрадовался я и стал говорить более внятно.— По некоторым причинам, ребята, мы с Николаем Николаевичем оказались запертыми в этой штуке. И вот Николай Николаевич обращается к вам с просьбой выручить нас, но так, чтобы никто не знал.

Все мальчишки просияли, как будто я предложил им ехать на Северный полюс.

— Где заперли? Ту дверку? — спросил тощий мальчишка.

— Ну да. Внизу.

Толстый от восторга ударил приятеля по спине:

— Вот это Николай Николаевич!

Анатолий тянул их обоих за рукава:

— Пошли! Пошли!

— Сейчас выручим,— сказал толстый.

Вся тройка собралась было умчаться, но я остановил их:

— Только, ребята, Николай Николаевич просил дать честное пионерское, что вы никому ни слова.

Анатолий кивнул головой:

— Конечно! А как же!

Выбравшись из канала и спустившись к учителю, я услышал возню за дверцей и возбуждённый шёпот:
— Ты гвоздём! Гвоздём его надо!..

Через полчаса Николай Николаевич сидел за партой в пустом классе. Возле него стояли трое мальчишек и смотрели на него во все глаза. Разговор о трудовой дисциплине, о том, как дорог каждый час учёбы, был закончен.

— Нет, голубчик. Я думаю, что твоё предположение неверно, — говорил Николай Николаевич, укладывая пенсне в футляр. — Теоретически, может быть, и возможно, что такая система вентиляции способствует поддержанию более или менее одинаковой температуры во всех помещениях, но практически... Ведь ты, наверно, обратил внимание, что...

Толстый мальчишка перебил его:

— Николай Николаевич, а зачем вы туда полезли?

Николай Николаевич посмотрел на него, потом улыбнулся:

— Знаешь, в старину говорили: лукавый попутал...

— Гы-ы! — хором сказали мальчишки и вполне удовлетворились его ответом.

ПОД СЦЕНОЙ

— Пчхи! — послышалось в темноте.

— Тише! Услышат! — сердито зашипел Кира.

— Пы... пыль... прям... прямо не могу!..— сдавленным шёпотом ответил Сеня и снова чихнул в ладонь.

Под школьной сценой было темно и очень пыльно. Ребята ползли во мраке по толстому слою мусора. Ладони их то и дело нащупывали какие-то щепочки, неизвестно как попавшие сюда бумажки и тряпки. Помост над ними гудел и дрожал, потому что старшеклассники наверху составляли столы для президиума. На обоих приятелей всё время сыпались какие-то соринки, за головы их цеплялись клочки паутины,

Усталые, вспотевшие, они добрались до передней стенки просцениума и легли перед ней животом прямо на мусор.

— Здорово, а? — прошептал Кира.— Для настоящего журналиста главное — энергия и находчивость!

— Ага, — также шёпотом ответил Сеня.— Лишь бы только нас к Ивану Лукичу не отволокли за нашу находчивость.

Оба приятеля действительно подвергались большой опасности быть отправленными к директору. Сегодня устраивался вечер бывших учеников этой школы. Сегодня здесь должны были собраться люди, окончившие школу год, и пять, и даже двадцать пять лет назад. Во избежание тесноты и беспорядка Иван Лукич строго-настрого запретил пускать на такие вечера кого бы то ни было, кроме старшеклассников, а Кира и Сеня учились в пятом классе.

В низкой дощатой стенке, перед которой они лежали, было довольно много щелей, и ребята могли глядеть в зал. Там хлопотало несколько старшеклассников, торопливо выравнивая ряды скамеек, а из-за двери, ведущей в коридор, уже доносился гул многочисленных голосов, слышались взрывы смеха, приветственные возгласы.

— Минут через десять начнётся,— сказал Кира.

— Пчхи! — послышалось вдруг где-то совсем близко.

«Журналисты» вздрогнули и притихли. Немного погодя Кира тихо спросил:

— Кто там?

— Я, Иванов,— ответил приглушённый мальчишеский голос.

— Какой Иванов?

— Это Лёшка Иванов, — догадался Сеня. — Ну, тот... из шестого «А».

— Лёшка, это ты?

— Я. Ползите ко мне. У меня хорошо видно.

При слабом свете, пробивавшемся сквозь щели, ребята наконец разглядели мальчишку, лежавшего недалеко от них. Оба подползли к нему.

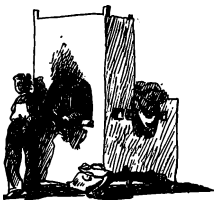
— Тоже на вечер? — спросил Сеня.

— Ага.

— И мы тоже. Знаешь, сколько мы всяких опасностей сейчас пережили!

Сеня рассказал Лёше о том, как они после уроков бросились в зал, а оттуда на сцену, где стояла бутафорская печь из фанеры, на которой во время спектаклей ездил Иванушка-дурачок. Друзья спрятались в печке, проделали в ней дырочки, чтобы смотреть через них в зал, и очень радовались, что нашли такое хорошее убежище. Но потом пришли старшеклассники и начали готовить сцену к вечеру.

— Они, значит, поволокли её куда-то, печку эту, — продолжал Сеня. — А мы, значит, пошли вместе с ней. Знаешь, как трудно!.. Согнутые... Темно... Да ещё чтоб ногами не шаркать. А они всё не могут печке места найти: таскают да таскают, а мы всё ходим да хо-

дим... Думаешь, легко? Кирка мне все ноги ботинками отбил.

— Тут, главное, трудность в том, — заметил Кира, — что никак не угадаешь, куда её повернут: идёшь, идёшь прямо, а её вдруг влево как дёрнут!.. Вот и тыркайся тут! Еле выбрались из этой печки. Минут тридцать сидели, пока подходящий момент нашли... А ты как сюда пробрался?

— Никак. Убежал с шестого урока и прямо сюда.

Глаза ребят постепенно привыкли к полумраку. Все трое уже могли отчётливо видеть друг друга.

Лёша, крупный, широкоплечий, лежал на животе, подперев ладонями подбородок. Толстый, маленький Кира положил перед собой блокнот и сосредоточенно чинил над ним карандаш, а Сеня, такой же маленький, как Кира, но худенький, востроносый, беспрестанно вертелся, ложась то на бок, то на живот, поглядывая то в зал, то на своих соседей.

— Лёшка, а ты сюда зачем пришёл? Просто так?

Лёша слегка пожал плечами.

— Может быть, просто так, а может, и не просто так,— ответил он загадочно.

— А мы сюда по делу. Корреспондентами. Кирка у нас редактор отрядной газеты, а я фоторепортёр. Ты знаешь, что кандидат в депутаты в нашей школе учился?

Лёша быстро повернулся к Сене и пристально посмотрел на него.

— Знаю,— ответил он медленно.

Не знать об этом было трудно. По всем улицам сегодня были расклеены плакаты, призывавшие избирателей голосовать за кандидата в депутаты Верховного

Совета СССР инженера Николая Ивановича Иванова, и ещё с утра ребята узнали, что товарищ Иванов окончил ту самую школу, в которой учились теперь они. На всех переменах только и слышалось:

— Кандидат Иванов в нашей школе учился!

— Вот каких людей выпускает наша школа: учился в нашей школе, а теперь — кандидат, в Москву поедет, в Кремле государственные дела обсуждать будет!

И на всех переменах ребята толпились в вестибюле перед вывешенным там плакатом, разглядывали портрет кандидата и десятки раз вслух читали биографическую справку о нём.

— Ну, знаю, — ещё медленнее повторил Лёша.

Кира потрогал пальцем кончик карандаша.

— Ну, вот мы и подумали: вдруг Иванов на сегодняшний вечер придёт? Это знаешь, какой хороший материал для стенгазеты!

— Если он придёт, так об этом даже в «Пионерскую правду» можно будет заметку написать. Понимаешь? На всю школу нам будет слава.

Лёша почему-то усмехнулся.

— Ну и дальше? — сказал он.

— Дальше? Дальше мы, значит, пошли к Лукичу и говорим: так, мол, и так, мы члены редколлегии, разрешите нам, пожалуйста, присутствовать на сегодняшнем вечере. А он нам знаешь, что ответил? «Ко мне, говорит, сегодня уже обращались человек двадцать членов редколлегий, больше тридцати фотографов и около пятидесяти всяких других. И все, говорит, заявляют, что им на вечер нужно не просто так, а по делу. Я, говорит, всех пустить не могу

и сделать кому-нибудь исключение тоже не могу». Вот тут мы и решили тайком пробраться.

— Пусть хоть неприятности наживём, зато в стенгазете материал,— заметил редактор.

— Ага. «Победителей не судят», верно. Кирка? А если «Пионерка» наши материалы напечатает, тогда сам же Лукич нам спасибо скажет.

Все трое помолчали. Сеня вздохнул:

— Лишь бы он только пришёл!

— Может, и не придёт. Человек занятой,— сказал редактор.

Лёша вдруг протянул Сене руку и, глядя на него исподлобья, сказал:

— На что спорим, что придёт?

— А ты откуда знаешь?

— Ну, на что спорим? На что спорим, что...

Он не договорил. Зазвенел звонок. Ребята услышали, как дверь, ведущая в коридор, распахнулась. Все трое мгновенно приникли к щелям.

Через несколько минут большой школьный зал был почти полон. Юноши и девушки, люди средних лет и уже очень солидные «дяди» и «тёти» сидели на скамьях, ходили между рядами, кучками стояли в проходе между ними. Среди гражданских костюмов и платьев поблёскивали пуговицами и погонами мундиры военных, форменные кители железнодорожников, горных инженеров, моряков... Не отрываясь от щели, редактор взволнованным шёпотом говорил:

— Шестьдесят один, шестьдесят два, шестьдесят три... Шестьдесят три орденосца! А вот там Герой... Майор Дубов. И всех наша школа выпустила! Семён, здорово, а?

Сеня не отвечал. Сосредоточенно сопя, он ползал вдоль щели, стараясь пристроить к ней плёночный аппарат.

— Кирка! Ой, Кирка! — зашептал он через минуту. — Щёлка узкая: объектив приставишь — в видоискатель ничего не видать, видоискатель приставлю — объектив в стенку упирается.

— На! Расширай! — Редактор отдал фоторепортеру перочинный нож и снова приник к щели.

Сеня принялся лихорадочно ковырять доски маленьким лезвием. И ещё через минуту снова слышался его шёпот:

— Кирк! А Кирк! Я твой нож сломал.

Редактор не ответил. Он смотрел в зал. Там сотни людей, молодых и пожилых, с орденами и без орденов, отчаянно шумели. Какой-то гражданин и две гражданки махали руками и что было сил кричали только что вошедшей полной женщине:

— Кнопка! Вера! Вера Савельева, сюда!

— Панкратов! Витька! Мы здесь! — неслось с другого конца, и остановившийся в проходе полковник поворачивал в ту сторону голову, улыбаясь и приглаживая редкие прядки волос над лысым теменем.

Подобные крики раздавались всё время, потому что в зал то и дело входили новые лица. Педагогов встречали аплодисментами и ещё более громкими криками. Когда в зале появились Иван Лукич и старенькая преподавательница математики Анна Фёдоровна, все встали и хлопали до тех пор, пока директор и учительница не поднялись на сцену и не сели за стол президиума, громыхнув стульями над головами ребят.

— Чудно! Взрослые, а ведут себя совсем как маленькие! Правда, Кирка? — тихо заметил Сеня.

— Ничего удивительного: пришли в школу и вспоминают детство,— возразил редактор. Вдруг он весь как-то дёрнулся и быстро прошептал: — Вон! Пришёл!

Недалеко от двери стоял высокий, широкоплечий человек в синем костюме, с двумя орденами на груди. Он стоял, приподняв светловолосую голову, и, чуть прищурившись, оглядывал зал. Сначала на него никто не обратил внимания... Но вот в пятом ряду поднялся маленький рыжеволосый десятиклассник, посмотрел секунду на вошедшего и, неожиданно взмахнув рукой, звонко выкрикнул:

— Привет кандидату!

И тут головы собравшихся повернулись к человеку в синем. В следующий момент весь зал поднялся, и раздался такой грохот аплодисментов, что, казалось, стёкла в окнах вот-вот разлетятся осколками.

— Ура-а! Да здравствует! Ура-а! — вдруг отчаянно завопил фоторепортёр, то подпрыгивая на четвереньках, то колотя Киру по плечу.

А редактор от возбуждения порывался вскочить на ноги, громко бухал головой о помост, через секунду забывал об этом, снова вскакивал и снова бухал:

— Я сразу догадался (бух!), что это он. Я смотрел, смотрел, вдруг вижу — входит, а лицо (бух!)... а лицо вроде как знакомое! Эх, если бы выбраться отсюда и с ним (бух!) лично поговорить!.. И сфотографировать бы!..

Оба приятеля вертелись и шумели, забыв о том, что могут выдать себя, а Лёша лежал, не шелохнув-

шись, прильнув лицом к стенке, словно его приклеили к ней. Вдруг он повернулся к «журналистам» и, улыбаясь, сказал:

— Это мой отец.

— Где отец? — не понял Кира.

— Ну, Иванов, кандидат... Это мой отец.

«Журналисты» посмотрели друг на друга, потом снова уставились на Лёшу.

— Как так — отец? — спросил Кира.

— Ну да-а! Как же! Твой отец! — недоверчиво протянул Сеня.

— Не веришь? На что спорим? Ты сам меня вчера с отцом встретил. Около булочной. Ты ещё две сайки нёс.

Сеня помолчал немного и вдруг отчаянно заёрзал на своём месте:

— Ой, Кирка! Ой, верно ведь! Это же он! Это его отец! Ой!.. Только у него на портрете волосы чёрные, а у живого светлые... Ой, Лёшка! Чего ж ты молчал всё время? Чего ж ты молчал?

Лёшино лицо снова стало серьёзным. Он опять повернулся на живот и пожал плечами.

— А к чему говорить? Ничего тут особенного нет,—сказал он как можно равнодушной.

Редактор снова бухнул макушкой в помост.

— Вот это да! И никто в школе не знает?

— Никто. Я не такой человек, чтобы о себе распространяться.

Прозвенел звонок председателя. «Журналисты» слышали, как говорит о чём-то директор Иван Лукич, слышали, как выступают, сменяя друг друга, бывшие ученики и нынешние старшеклассники, слышали, как

под гром аплодисментов поднялся на сцену Иванов и тоже о чём-то говорил... Слышали и ничего не запомнили.

— Кирка! Нет, Кирка, ты пойми! — волновался Сеня.— Вся школа только об Иванове сегодня и говорит, и никто не знает, что сам сын такого человека вместе с нами учится! А он ходит себе и молчит!

— Ничего удивительного! — гудел редактор.— Обыкновенная скромность. Лёша! Напиши нам статью о своём отце! Как он учился, как работал и как его избрали кандидатом. Напишешь, а?

— Ладно. Только времени маловато.

— Ты хоть как попало напиши. Кирка потом сам отредактирует. Эх! Сфотографировать его нельзя! Лёш!.. У вас классной руководительницей Анна Фёдоровна? Как она теперь гордиться должна, что ты в её классе, правда?

Они засыпали Лёшу вопросами, Сеня ахал и охал и приходил в отчаяние от того, что Иванова нельзя сфотографировать. Кира вслух мечтал о материалах, которые они поместят в стенгазете.

Наконец председатель объявил, что торжественная часть вечера окончена.

Зал снова наполнился гулом многочисленных голосов, шарканьем ног, шумом отодвигаемых скамеек и стульев.

Кира обратился к Лёше:

— Ты, значит, пришёл сюда на отца посмотреть? Как его школьные товарищи встретят?

— Н-ну, вообще пришёл, и всё!

— Чудак! — сказал Сеня.— Чего же ты прячешься? Сказал бы, что ты сын Иванова, тебя бы в один

момент пропустили! — Сеня на секунду умолк, словно озарённый какой-то идеей, потом вцепился в Лёшин локоть и, пристально глядя на него, сказал: — Лёш! Можешь ты сделать нам большое одолжение?

— Какое?

— Давайте вылезем все вместе, ты нас познакомишь со своим отцом, я его сфотографирую, а Кирка обо всём расспросит. Согласен? Лёш!

Лёша помолчал в раздумье.

— Лёша! Ну Лёша! — тихо взмолился Сеня.— Лёша, сделаешь, а? Ведь если мы сами вылезем, нам попасть может, а с тобой ничего не будет. Лёша, знаешь, как я хорошо снимаю! Я тебе сколько хочешь карточек сделаю. Лёша, мы тебе так благодарны будем, просто не знаю! Лёша, а?..

Наверно, ещё с минуту Лёша молчал.

— Лёша! А это ведь идея! Устроишь, а? — сказал Кира.

— Ладно уж, устрой. — Он поднялся на четвереньки.—Вот такой уж я человек! Чего бы меня ни попросили, всё сделаю. Пошли!

Он пополз в темноту, туда, где находился люк, ведущий за кулисы. Оба «журналиста» с колотящимися от волнения сердцами последовали за ним.

Скоро все трое выбрались на поверхность и, остановившись за кулисами, принялись очищать пыль с костюмов, вытряхивать из волос застрявшие там соринки.

— Лёша,—тихо сказал Сеня,—у тебя какие-то цифры на лице.

— Где цифры?

— Вот здесь. Чернильные. Здесь вот — а квадрат

и знак плюса, а здесь — скобка, знак равенства, а квадрат минус два а бе квадрат. И ещё есть... Только их не разобрать.

Лёша посмотрел на левую ладонь:

— Это я на руке формулы записал. Лицо потное, вот они и отпечатались.

Он вынул платок и тщательно протёр те части лица, на которых среди веснушек синели чернильные цифры.

— Пошли! — сказал он. — Вы, главное, от меня не отходите и ничего не бойтесь.

Сеня отвернул полотнище кулисы и выглянул на сцену.

— Ой! Там Анна Фёдоровна с твоим отцом разговаривает.

Кира и Лёша тоже выглянули из-за кулисы. Недалеко от них медленно прохаживались рядом маленькая, сухонькая учительница и высокий, широкоплечий Иванов.

Заложив руки за спину, слегка покачивая при каждом слове головой, Анна Фёдоровна говорила негромко, но, как всегда, отчётливо и немного отрывисто:

— Рада! Очень рада за тебя, голубчик! Горжусь. Большая честь. Большая честь и большая ответственность. Большие обязанности.

— Слышите? Слышите, как она?...—прошептал Сеня.

— Н-да! — Учительница помолчала.— Только, дорогой мой, при всех твоих больших обязанностях не следует забывать и другие, не менее важные. Не следует.

— Именно, Анна Фёдоровна? —спросил Иванов своим мягким баском.

— Отойдём в сторону, голубчик! Не хотелось бы затевать сегодня неприятные разговоры, да уж что подделаешь! Ты ведь в школе бываешь раз в три года.

Учительница и инженер остановились в углу сцены, в каком-нибудь метре от ребят.

— Что-нибудь относительно Лёшки, Анна Фёдоровна?—с некоторой тревогой заметил Иванов.

— Именно, дорогой мой! По поводу твоего сына.

Кира и Сеня молча покосились на Лёшу, тот покосился на «журналистов» и тут же отвёл глаза. Уши его покраснели.

— Я слушаю, Анна Фёдоровна!..

— Так вот, дорогой мой, недовольна я твоим сыном. Да, да, недовольна! И тобой недовольна. Позволь уж мне прямо это сказать. Что это такое, голубчик? В пятом классе всё было как будто благополучно, а в шестом после летних каникул ну до того твой Алексей разболтался, просто никакого сладу с ним нет. Начал отставать. Вместо того чтобы подтянуться, выезжает на шпаргалках, обманывает педагогов, своих товарищей. Только вчера пришлось ему третью двойку поставить. Куда это годится?

— Я... я не знал этого, Анна Фёдоровна,—пробормотал Лёшин отец.

— Не знал? —медленно повторила Анна Фёдоровна и продолжала сначала совсем тихо, потом всё громче и горячее: —Не знал? Да какое ты имел право не знать? Ты что вообще думаешь, голубчик? Отдал ребёнка в школу —и можешь снять с себя ответственность за его воспитание? «Не знал»! Мать,

как видно, не в силах одна на него повлиять и тоже очень занята, тоже много работает, а отец и носа в школу не покажет! Сын, вместо того чтобы готовить уроки, пишет дома шпаргалки, а отец знать не знает, ведать не ведаёт! На что это похоже! Я понимаю, конечно, у тебя дела, у тебя нагрузка, может быть, куда больше, чем у других, но позволь мне сказать, что воспитание ребёнка — твой прямой гражданский долг. А мой долг — напомнить тебе об этом. Так-то, дорогой!

Маленькая, седенькая учительница с сердитым видом расхаживала перед высоким, плечистым кандидатом и отчитывала его, а тот стоял, держа руки по швам, весь красный от смущения, и время от времени бормотал:

— Я понимаю, Анна Фёдоровна... признаю... я займусь этим, Анна Фёдоровна...

Сеня выпустил из рук край полотнища. «Журналисты» с презрением взглянули на Лёшу, а тот растерянным взглядом посмотрел на ребят. Потом он повернулся, крадучись, балансируя на носках, добрался до люка и, не сказав ни слова, исчез в его тёмном отверстии.

Сеня вздохнул:

— Всё! Пошли!

И «журналисты» тоже направились к люку.

Молча все трое пробрались в потёмках к дощатой стенке, перед которой они провели весь вечер, молча улеглись на прежних местах. Наверно, минут десять никто не произносил ни слова, потом Лёша прошептал:

— Слушайте, вы!

— Ну? — отозвался Кира.

— Никому не говорите, что он мой отец. Не скажете?

— Очень нам нужно говорить! — угрюмо сказал Сеня.— Ты сам не проболтайся.

На сцене струнный оркестр старшеклассников заиграл вальс, в освобождённом от скамеек зале закружились пары.

А под сценой царило молчание.

СОДЕРЖАНИЕ

Дрессировщики.	3
Исследователи.	31
Под сценой	48

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО
ВОЗРАСТА

Сотник Юрий Вячеславович

ДРЕССИРОВЩИКИ

Рассказы

Ответственный редактор Л. Г. Тихомирова
Художественный редактор Н. Г. Холодовская
Технический редактор Л. В. Гришина
Корректор Г. В. Русакова

Подписано к печати с матриц 19/11 1969 г.
Формат 60х90¹/_н- Печ. л. 4. (Уч.-изд. л. 2,64),
Тираж 300 000 экз. Цена 9 коп. на бум. № 2,
Издательство «Детская литература», Москва,
М. Черкасская пер., 1.

Отпечатано с матриц ордена Трудового Крас-
ного Знамени фабрики «Детская книга» № 1,
Москва Книжной фабрикой № 1 Росглавно-
лиграфпрома Комитета по печати при Совете
Министров РСФСР, г. Электросталь, Москов-
ской области. Школьная. 25. Заказ № 131.